

Александр Алексеевич ГРЯЗЕВ родился в 1937 году в селе Борок Буйского района Костромской области. Служил в воздушно-десантных войсках. Работал на Череповецком металлургическом заводе. Заочно окончил Московский историко-архивный институт. Автор книг прозы «Подобру да поздорову», «Чтобы свеча не угасла», «Грех игумена», пьес «Всего два дня», «Одиноким представляется общежитие». Член СП России. Живет в Вологде.

Рассказы

ИНСПЕКТОР МЕГРИН

Районный автоинспектор Леонид Матвеевич Мегрин третью ночь плохо спал. Во сне он часто вздрагивал, будто по его телу пропускали электрический ток, подергивался и тихонько постанывал, а под самое утро с громким криком вскочил, сел в постели и, зябко поживаясь, натянул на себя одеяло.

Жена Марья тоже пробудилась, с испугом на него посмотрела, а потом обняла за плечи.

— Что с тобой, радость моя? — спросила, прижавшись к мужу.

— Ничего... Погоди. Ух ты, елки зеленые... Вот это да... Надо же такому присниться. Страшно даже.

— А-а... — зевнула Марья. — Спишь раскутанный, вот и снятся от холода кошмары всякие. Ложись-ка, радость моя, поближе. Я тебя согрею.

Но Мегрин не спешил под бок жены. Он слышал где-то, что если про навязчивый сон кому-нибудь рассказать, то он перестанет сниться.

— Третью ночь, понимаешь... — Мегрин полез под одеяло. — Все одно и то же. Покою нет. Будто бы сижу я в засаде, но почему-то в кустах, в городе где-то, и нарушителей жду. Потом кусты зашевелились... темные такие, и из них что-то на меня надвигается... Фу... Потом пропало, и вдруг «Волга» не туда поворот сделала... серая. Я за ней, она — от меня. Я в трамвай вскочил и к водителю. Показываю и кричу, чтобы догонял машину-то. Едем, едем, а «Волга» за угол завернула, и мы за ней туда же. Там поле чистое и нет никого. Пропала «Волга»-то... А тут перед нами котлован глубокий и рельсы на краю его обрываются: вот-вот свалимся. Но сперва отъехали, а потом трамвай сам вдруг вперед пошел и с обрыва прямо в котлован... Тут и проснулся... Б-р-р...

— Говорю тебе — спишь голый. Еще бы не присниться. Давай согрею, радость моя. Вот так, спи...

Марья еще плотнее прижалась к мужу, согревая и успокаивая его. Она боготворила супруга и не раз ему говаривала: «Да я за тебя, радость моя, любому глаза выцарапаю».

Имя свое, данное родителями лет тридцать назад, она произносила несколько иначе и при знакомстве представлялась Маринеллой. Особенно с тех пор, как муж стал автоинспектором, хозяином дороги и перед ним робели храбрые шоферы. Но знакомства бывали редко и имя, которое она себе придумала, не привилось.

Соседи же, да и знакомые, называли ее Радость моя. Так сама Марья звала везде своего мужа. За глаза и ее все так величали.

Утром она поднялась, как всегда, раньше всех. Приготовила завтрак, разбудила и собрала в школу дочку — третьеклассницу Наташку. И только потом пошла будить супруга.

Мегрин подниматься не торопился. В те дни, когда накануне домой он возвращался со службы поздно, ему разрешалось не приходиться на работу к звонку. Этим он хоть и не часто, но пользовался, отчего в глазах жены вырастал еще больше. Недавно ему присвоили очередное звание старшины, и Мегрин подал документы в заочную милицейскую школу.

Марья по поселку ходила с гордо поднятой головой и в магазинных очередях стояла

с независимым видом: после окончания школы муж получал офицерские погоны, а с ними должность старшего инспектора и возможность служить в областном центре. А что? Вполне реальная мечта.

К тому же Мегрин был на хорошем счету у начальства. Да и как не быть, если для него служба и жизнь — одно и то же. Законы, которые он охранял, Мегрин считал святыми и нерушимыми. Тех же, кто их нарушал, должно постигать неотвратимое наказание. Эту очевидную истину он проповедовал и словом и делом каждый день и другого не мог себе представить.

Еще с детства он был такой, а в армии так даже пострадал за правду. В сержантской школе рассказал как-то старшине о ребятах, ходивших в самоволку. Те догадались и однажды ночью устроили ему «темную». Он все вытерпел и не поколебался в правоте своей: законы нарушать никому не позволено.

И после армии, когда Мегрин поступил на работу в милицию и стал участковым в родном селе, он всей своей службой и жизнью доказывал людям именно это, зарабатывая себе неприятности, но не отступая.

Всем и до сих пор памятен случай, когда в какой-то майский праздник Мегрин вызвал из города спецмашину к чайной, где продавали пиво, и погрузил в нее четверых пьяных и шумных мужиков. Все бы ничего, да среди них был его родной отец. Но Мегрин никому скидки не делал.

Правда, отец говорил, что теперь из-за такого сына ему стыдно людям в глаза глядеть. Он, и так редко бывавший у сына, во все эти годы совсем перестал к нему ходить...

За столом, подкладывая мужу в тарелку любимые котлеты, Марья глядела на него влюбленно и, казалось, порывалась что-то сказать, но не могла решиться. Мегрин заметил и начал разговор сам.

— Ну, чего ты мнешься-то? Говори.

— Да я ничего, радость моя. Просто Нинка Куликова вчера приходила, а тебя не было...

— Ясно. За мужа просила?

— Ага... Это ведь ты у него права-то отобрал?

— Отобрал. Нарушителям от меня пощады не будет! Поняла? Заруби себе это на носу.

— Ладно, ладно, радость моя...

— А моя радость — служба. Поставили на дело, и я его делаю. Исполняю служебный долг. Думаю, что честно...

Марья уже и не рада была, что завела весь этот разговор, но все же решила его довести до конца.

— Нинка говорит, что и нарушение-то плевое было. Не так Витька повернул, что ли.

— Маленькое, большое ли — значения для меня не имеет. Если говорить точно, то там разворот вообще запрещен. Нарушен закон дороги, создалась аварийная ситуация. За это должны отвечать все, кто виноват. Таков закон, и я его слуга и охранник. И потому больше ты ко мне так не подбезжай. Поняла? Не зли меня.

— Так ведь Нинка-то моя школьная подруга, — попыталась оправдаться Марья.

— Для меня без разницы. Я еще никому спуску не давал и не дам. Поняла? Не зли, говорю.

— Поняла, радость моя... Ты сегодня опять долго не придешь?

— Не знаю. На обед не жди. Поеду в колхоз «Передовик» нарушения разбирать. К ужину тоже, видно, не приеду...

Начальник районной автоинспекции капитан Огурцов был доволен Мегриным, хотя и знал, что многие водители инспектора не любили и часто на него жаловались. Бывали звонки даже от областного начальства, когда Мегрин прихватывал наглых обкомовских шоферов. Но капитан Огурцов относился ко всем жалобам спокойно, а иногда и с улыбкой. Он был уверен, что Мегрин свою власть не превысит и закон исполнит правильно, до самой последней буковки, пунктуально и точно.

Правда, как-то раз пробовал с Мегриным поговорить по одному мелкому делу, но тот обиделся, заявив, что в его службе мелочей нет. И Огурцов махнул рукой: как исполнитель Мегрин был надежен.

Тем более что и работы было много. Особенно сейчас, летом, когда свои застоявшиеся лошадиные силы вывела на дороги орда частников. Зимой они почти не ездят, а весной садятся за руль, как медведи после зимней спячки, и до самой глубокой осени нет от хлопот с ними никакого покоя.

С продажей водки стали большие строгости, а пьяных шоферов за рулем меньше не стало. Нет, что ни говори, с его дотошностью и непримиримостью к нарушителям Мегрин

был на своем месте. Ну а наглых обкомовских «кучеров», как их называл Огурцов, он и сам не любил...

...Старший инспектор Павлов был в отпуске, и Мегрин зашел в кабинет начальника.

— Ну, а какие у тебя на сегодня планы? — спросил Огурцов Мегрина, когда тот доложил ему о вчерашнем дне.

— Собираюсь в «Передовик». Оттуда ни письма, ни грамотки о водителе Иванихине, которого я задержал у винного магазина.

— У них же зона трезвости, вот и ездят к нам.

— Да у них, — продолжал Мегрин, — нарушения с медконтролем. По-моему, вообще нет никакого контроля.

— Это не только у них. Сегодня или завтра побывай в автохозяйстве мелиораторов. Там тоже такая история. Штампы медконтроля ставят накануне. Потом обязательно загляни к дорожникам. Опять вчера на сороковом километре по Московскому тракту машины столкнулись. Там рытвины большие и обочины после дождя размывает. Вот эту бумагу передашь.

— Да что с ними разговаривать-то, Николай Иваныч! — воскликнул вдруг Мегрин. — Судить их надо. Дорожники ведь на этом участке не один год мочалку жуют. А сколько техники угроблено? А сколькими жизнями заплачено, здоровьем? Мы же с дорожниками разговоры ведем, бумаги пишем, в газете их стыдим. Судить их надо! Наказывать!

— Ты прав, старшина, да не в нашей это власти, пойми. Если бы... эх, да что тут говорить... Да, звонили вчера из соседней области наши коллеги. Это ты на днях права отобрал у их шофера с автобазы агростроя?

— Я отобрал и доложил лейтенанту Павлову.

— А что там случилось?

— Водитель отказался взять попутный груз в райпотребсоюзе.

— Значит, был загружен, наверное.

— Нет, у него я недогруз обнаружил.

— Все равно, старшина, тут у тебя вроде перебор вышел. Может, спешил парень домой, может, еще что. Права, Леонид Матвеевич, не всегда надо отбирать, если подойти по-человечески, просто.

Мегрин при этих словах начальника даже встал и лицом построжел.

— Я, товарищ капитан, на службе не человек, а инспектор. И если к нарушителю подходить по-человечески, то и на линию выходить не стоит... Разрешите идти?

Огурцов улыбнулся и махнул рукой.

— Ладно, иди, Мегрин, служи. Да не забудь по этим адресам сходить сегодня же.

— Есть!

Мегрин козырнул, повернулся, щелкнув каблуками, и быстро вышел.

Пока возился с разными бумагами, куда-то звонил, пока ходил по организациям, подоспел обед, и Мегрин выехал в «Передовик» только во второй половине дня.

Путь по асфальтовому шоссе верст в тридцать он преодолел на своем сине-оранжевом мотоцикле довольно быстро. Но стоило съехать с асфальта на проселочную дорогу, как на первых же метрах начались мучения: лужи, разбитая колея, рытвины. Будто ехал он по ничейной, чужой земле.

Всякий раз, когда приходилось вот так же пробираться по проселочным дорогам, Мегрин злился и выходил из себя. Он знал, что есть виновные в этом деле. Они ведь тоже ездят по этим же дорогам. Чего же у них не хватает?.. Совесть? Денег? Ума на дело?.. Наверное, всего понемножку. Но Мегрин всегда приходил к одному: мало наказывают тех, кто отвечает за дороги. Ему казалось, что будь у него в руках власть, то он нашел бы виновных. А найдя, заставил бы все дороги привести в порядок. Виновные же не где-нибудь, среди нас живут. Только никто ни за что не отвечает и никто с виновных не спрашивает.

«Вся беда в этом, — думал Мегрин, подвезжая к Дубравкам. — Наказывать надо больше. Тогда и порядок будет».

На колхозный машинный двор Мегрин едва успел к концу рабочего дня. В этом единственном на весь район колхозе среди шоферов и трактористов нарушителей было больше, чем в любом другом хозяйстве района. Беспорядок бросался в глаза сразу. На дворе как попало стояли комбайны, сеялки, культиваторы и другое великое множество разноцветной техники. Точно так же все эти машины стоят здесь и под осенним дождем, и зимой под снегом. Даже навеса из обыкновенного теса на дворе не было, хотя колхозная пилаорама — вот она, всего в двух шагах от машинного двора.

Мегрин стал искать главного механика Ненашева, но в кабинете того не оказалось, и

инспектор заглянул в гараж. Многие машины уже стояли на своих местах в боксах, но ни на одной двери Мегрин не увидел замка. Тоже непорядок. Но с кого спросить за это?

Рядом с гаражом мастерские, и инспектор зашел в слесарную. Стоявшие кучкой и курившие слесари, заметив его, разошлись и стали, как показалось Мегрину, изображать видимость работы. На верстаке он увидел разостланную газету, а на ней куски хлеба, огурцы, селедку.

«Пьют прямо на рабочем месте, негодяи!» — возмутился про себя инспектор.

— Где механик? — громко спросил Мегрин.

Ему ответил парень в засаленной ситцевой кепчонке.

— У себя, наверное. Недавно сюда заглядывал.

Механика на этот раз Мегрин и вправду застал в кабинете — полутемной комнатухе с большим полированным столом и серыми, давно не стиранными шторами на единственном окне. Тот сидел спиной к двери и смотрел телевизор, где под музыку забавлялись спортсменки ритмической гимнастикой.

— Хороши заразы, а! — сказал Ненашев, когда Мегрин, войдя, поздоровался с ним. — Вот бы с ними повыгнаться где-нибудь на необитаемом острове... Ножку влево, а потом вправо, ножку вперед и наоборот, — пропел механик и выключил телевизор. — Здорово, инспектор. Чем могу служить? Опять по наши души приехал?

— По ваши грешные души, товарищ Ненашев, — уточнил Мегрин. — По ваши.

Они были мало знакомы, да и те короткие встречи, которые между ними случались, касались только лишь служебных дел.

— Ну и чего же мы еще нагрели? Да ты садись, Леонид Матвевич, — предложил Ненашев.

Он снял пиджак с авторучкой в нагрудном кармане, повесил на спинку стула и сел за стол с редкими бумагами, предполагая, видно, долгий разговор.

— Бардак в твоём хозяйстве, товарищ Ненашев.

— Ну, сразу же и бардак? — деланно-невинно возразил механик. — У нас все в порядке.

Его круглое лицо и короткая шея лоснились от пота в этой душной комнате, и Ненашев часто вытирался носовым платком. Маленькие, будто намащенные глазки механика с невинным выражением глядели на Мегрина. «А ведь выпивал сейчас со слесарями. Это точно», — подумал инспектор.

— Да? В порядке, говоришь? А машины в гараже стоят не запертые. Садись на любую и поезжай куда глаза глядят. Сторожка тоже на замке. Слесаря пьют на рабочем месте.

— Не может быть. У нас тут и вина взять негде. Сухой закон с посевной до октября.

— Я видел закуску на верстаке в мастерской.

— А может, это с обеда осталось не убрано. Я проверю, — пообещал Ненашев.

— Вас, как механика, нестораживает, что мы в этом году, — продолжал Мегрин, — задержали за управление в нетрезвом состоянии уже троих человек с вашего хозяйства — тракториста и двух водителей? Да еще двух шоферов у винного магазина в райцентре.

— Ну почему же. Я с ними работу проводил. Обещали больше не делать.

— А Васька слушает да ест... А последний случай с Иванихиным... Почему до сих пор от вас нет ответа о принятых мерах? Почему ваши водители ездят, куда хотят? И это в разгар полевых работ.

— Почему же? Мы отсеялись нормально, а до уборки еще далеко.

— А заготовка кормов разве не работа?

— Кто говорит?! Да разве за каждым усмотришь, Матвевич.

— На то вы и поставлены, чтобы усматривать. Иначе все преступления водителей с вас начинаются.

— Ну, ты даешь, товарищ инспектор, — Ненашев опять отер лицо платком. — Объясни, не понял.

— Чего тут понимать, — Мегрин показал на стопку путевок, лежащих слева перед механиком. — Завтрашние?

— Ну?

— А штамп о медосмотре уже стоит. Завтра водители придут с похмелья, а вы им путевки эти вручите. А может, уже кому-то вручили?

— Нет. Мы предрейсовые осмотры делаем.

— А шофера пьяные по дорогам ездят, себя губят, других, технику в металлолом превращают. Пьяный за рулем — преступник. Неужели вам на лбу эту истину выжигать надо. Эх, была бы моя воля, то каленым бы железом, честное слово, выжиг... — Мегрин махнул рукой на молчавшего механика, встал и пошел к двери. — С вами говорить, что

по болоту ходить. Одно запомните, товарищ Ненашев. Обо всех ваших нарушениях мы пишем докладную в райисполком. Хватит разговоров. Пора и власть употребить. Где председатель? Терпеть безобразия такое больше нельзя.

— Как где? Или в конторе, или по бригадам мотается.

— За правами Иванихина приглашаю приехать вместе с ним.

— С кем? — не понял Ненашев.

— С Иванихиным. Будет у нас экзамены сдавать. А здесь у вас аттестацию проведем через месяц. Так что готовьтесь и пощады от меня не ждите. Была бы моя воля...

Не договорив и не попрощавшись, Мегрин вышел из мастерской и поехал искать председателя. Но найти его не смог, хотя до самого позднего вечера мотался в дальние бригады. Потом оказалось, что тот уехал в райцентр и будет только завтра утром. И когда Мегрин по проселочной дороге выезжал к шоссе, было уже заметно темно.

На повороте от фары неожиданно высветил стоящую на обочине машину. Это была серая «Волга».

Возле машины инспектор заметил людей. Подъехав к «Волге», привычно глянул на номер, но тот из-за грязи и пыли даже не просматривался. Мегрин отметил, что такой машины в райцентре нет. Видно, едут издалека. Он заглушил двигатель своего «Урала», но фару не выключил и подошел к стоявшим у «Волги». Их было трое.

— Инспектор дорожно-патрульной службы старшина Мегрин, — представился Леонид Матвееч. — Что случилось? Кто хозяин машины?

— Ничего не случилось, — ответил кто-то из троих. — А хозяева все мы. У нас кооператив.

Мегрину ответ не понравился.

— Шутить будем потом. Чья машина, я спрашиваю? — повторил вопрос инспектор.

— Мы не шутим. А ты, видно, и есть тот самый инспектор Мегрэ? — раздался за спиной старшины чей-то грубоватый голос.

Мегрин знал, что его так за глаза называла вся окрестная шоферня. Он повернулся на голос, но ответить ничего не успел. Его неожиданно крепко схватили сзади за руки.

— В чем дело?! — строго спросил инспектор и попытался вырваться. — А ну отпусти! Что вы делаете?! Я при исполнении!

— Тихо, Мегрэ. Все одно никто не услышит, — произнес обладатель грубого голоса и быстро обшарил карманы инспектора. — Мы тоже при исполнении... От имени всех шоферов невинных, тобой наказанных... За не принесенные домой полочки и премии, за неполученные квартиры и путевки, за слезы жен и детей шоферских мы тебя наказываем!

Говоривший мужик был высокого роста и почему-то в темных очках. В сумеречном свете ночи Мегрин разглядел на лице его только очки, да еще вислые усы по краям стелегоубого рта. Говорил мужик немного заикаясь, произносил слова, будто проталкивал языком меж зубов отдельные буквы и целые слова. По всему заметно, что он был старшим среди всей этой компании. И Мегрин его никогда не встречал. Это точно.

— Опомнитесь! Ведь вас упрячут куда Макар телят не гонял! — крикнул инспектор.

— Не плачь, Макар, телята дома. А мы сегодня здесь, а завтра там. То есть там, где нас нет. Понял, Мегрэ?

— Ага, лови бабу во ржи, а то убежит, — добавил один из державших его парней и захохотал.

Мегрин вдруг стал вырваться, что-то кричать и пинаться, но тут же получил сильный удар в лицо.

— Заткни ему глотку! Гаси свет! Волоки к столбу! — как сквозь сон услышал инспектор приказ вислоусого.

Раздался звон стекла мотоциклетной фары. Мегрину заткнули рот какой-то тряпкой, подхватили и потащили по обочине к стоявшему неподалеку телеграфному столбу. Стащив с инспектора кожаную куртку, китель и рубаху с майкой, сняв сапоги и форменные брюки, мужики завели его руки за столб и накрепко их связали.

— Труссы-то снимать али нет? — спросил старшего один из парней.

— Стащи, — ответил тот. — Комары тоже есть хотят... А ты, Мегрэ, будь здоров и не кашляй. И думай, думай, думай. Да помни: это тебе наше первое серьезное предупреждение.

Парень сдернул с Мегрина цветастые трусы, вытащил изо рта кляп и побежал к машине. Хлопнули дверцы, уркнул мотор, и «Волга», развернувшись, укатила по шоссе совсем в другую сторону от райцентра.

Мегрин остался один. Все происшедшее с ним было похоже на сон. Еще несколько минут назад он ехал с мыслью о сытном домашнем ужине и теплой постели и вот стоит

среди полей и лесов, привязанный к столбу, да еще и совсем голый. Он представил сейчас себя со стороны и даже закричал зубами.

Чьи были эти мужики, так жестоко с ними поступившие, Мегрин не знал. И даже особо не пытался вспомнить. За все годы инспектор имел дело с сотнями нарушителей. Разве запомнишь каждого.

Скоро Мегрин почувствовал ночную прохладу, которую поначалу не заметил, и устроил бег на месте, радуясь, что не связали ноги. Он пробовал даже кричать, но сразу понял, что в такую ночную пору людей тут быть не может. Надежда была только на мимоидущую машину, а она может появиться и через пять минут и через пять часов.

Скоро Мегрин перестал соображать и помнить, сколько времени прошло с начала этой пытки. Ему казалось, что время остановилось, ибо инспектора начали донимать комары. Он и небольшого-то их числа не любил и боялся, а тут на него налетала целая куча, и Мегрин беспрестанно дрыгал ногами, но это мало помогало.

Так танцевал Мегрин у столба почти до рассвета. Только когда посерело небо и на кустах у обочины стал заметен каждый листочек, инспектор увидел идущую по шоссе в сторону города машину. Собрав все силы, Мегрин стал кричать и отчаянно махать ногами, но проехать его и так было нельзя. Слишком необычная картина с голым человеком в поле открывалась на дороге перед любым взором.

Синие «Жигули» подъезжали все ближе, и Мегрину показалось даже, что эту машину он знает. Точно такой «жигуленок» был у шофера льнокомбината Смирнова. И Мегрин не ошибся. Как только машина остановилась у столба, из нее выскочил с изумленным лицом хорошо знакомый Мегрину Колька Смирнов.

— Еси на небеси! — изумленно воскликнул Колька. — Ты, что ли, Матвенч?

— Я... — прохрипел Мегрин. — Давай быстрее.

Колька подбежал и стал развязывать инспектору руки.

— Сейчас... кто тебя так?

— Нашлись... гады, — опять прохрипел Мегрин.

Он дрожал и еле держался на ногах, а у Кольки, как назло, что-то не получалось.

— погоди, старшина, потерпи еще немного. Крепко завязано. Видно, ты кому-то здорово насолил.

Колька сбежал к машине, вернулся с ножом и освободил наконец Мегрина. Тот быстро оделся и подошел к мотоциклу, но сразу увидел, что ехать на нем нельзя: проткнутые колеса стояли на ободах. Инспектор взял только каску и, все еще дрожа, сел в машину рядом с Колькой. Тот запустил мотор, и они двинулись к дому.

— Ничего, Матвейч, — успокаивал Колька старшину. — Потерпи. Скоро домой приедем. А я тебе — на! — печку включу, грейся.

Мегрин сидел, прижавшись к мягкому подголовнику, и, закрыв глаза, наслаждался теплом и покоем. Он все еще не отошел от кошмара этой ночи и был молчалив.

— Когда случилось-то? — решил нарушить молчание Колька.

— Часов в одиннадцать... — тихо, не открывая глаз, проговорил Мегрин. — А сейчас сколько?

— Так скоро три... Долго тебе пришлось... А что за мужики-то были?

— Не знаю, не наши.

— А ты чего пистолет не достал?

— Я без него сегодня в «Передовик» ездил. Слушай, ты «Волги» светлой нигде не встречал?

— Ну что ты, Матвейч, какая «Волга»? Я же тут недалеко в деревню ездил, жену возил. Я ведь, не поверишь, тещу замуж выдаю. Хо-хо-хо... Да, да, сам лично и сосватал за этого... Ивана Ивановича Дубова. Знаешь, поди?

— Нет, — покачал головой Мегрин.

— Да он у нас на заводе сторожем служит. На пенсии, конечно, но мужик еще ядреный... Теща моя прямо и расцвела вся, как молодая стала. И я у нее теперь, хо-хо, знаешь кто? — спросил Колька и, не дожидаясь ответа, продолжил. — Раньше-то я у тещи был сукин сын, а теперь Коля-багюшко... Хо-хо-хо... Жена в отгуле, а мне на работу завтра. Хотя нет — уже сегодня. Не везет, как видишь. Но я завтра опять туда махану на выходной и еще возьму свое, — сказал Колька и неожиданно пропел:

Летят утки, летят утки,
А вослед два гуса.
Я сегодня как-нибудь,
А завтра надеруся.

«Кто о чем, а вшивый о бане», — подумал инспектор и вдруг насторожился. Ему показалось, что в машине пахнет спиртным. Мегрин потянул носом и понял, что не ошибся: в салоне пахло алкоголем. Выходит, что Колька или везет его с собой, или едет выпивши.

Мегрин открыл глаза и спросил, будто продолжая разговор:

— А зачем это?

— Это ты о чем? А, насчет надраться-то? Так как же. Хоть и плохо мы живем, а чего-то хочется.

Колька захохотал и повернулся к инспектору, на которого опять пахнуло спиртным. Сомнений у Мегрина не осталось.

— Останови-ка машину, — сказал он Кольке.

— Да ты чего, Матвейч, — не понял тот. — Потерпи маленько. Скоро приедем. Вон уже дома видать.

— Останови.

Колька притормозил. Мегрин, чувствуя, что может упасть от усталости, все же собрался и медленно вылез из салона. Пошатываясь, он обошел машину и остановился против Кольки.

— Инспектор дорожно-патрульной службы старшина Мегрин, — твердо и строго представился он Кольке, будто видел того в первый раз. — Прошу предъявить документы.

Колька обалдело смотрел на инспектора и от изумления, казалось, лишился речи.

— Ты чего, Матвейч, чокнулся? — наконец вымолвил он.

— Прошу предъявить документы, — повторил свое требование Мегрин.

— Ну, ты даешь, Мегрэ... Как живой.

Колька протянул старшине водительские права. Мегрин достал талон предупреждений и, прищуря один глаз, сделал компостером просечку.

— Вы, Смирнов, грубо нарушили правила дорожного движения, а короче, совершили преступление, сев за руль в нетрезвом состоянии. Надеялись ночью проскочить, пока никого нет. Не выйдет! Ловил вас и буду всех ловить! На другое не надейтесь! За правами придешь, а талон возьми.

— Да пошел ты! — тоже громко сказал Колька и, плюнув в окно, зло выругался. Затем нажал на газ и быстро помчался по дороге к городу.

Мегрин, прищуря один глаз, глядел вслед удалявшейся машине и нажимал на кнопку компостера, не выгащив талона. Легкие щелчки от разрываемой картонки казались ему сейчас в этой утренней тишине сухими и громкими выстрелами.